

ЖИЗНЬ ПОЭТА

*К 125-летию
со дня рождения
О.Э.Мандельштама*

...Не ограничена еще моя пора:
И я сопровождал восторг вселенский,
Как вполголосная органная игра
Сопровождает голос женский.

О. Мандельштам

1891 – 1938

2016

Э. Манделъштам

Отец и мать поэта.

Эмиль (Хацкель) Вениаминович Манделъштам (1852? - 1938).
1890-е гг.

Флора Осиповна Манделъштам (Вербловская; 1866? - 1916).
Вильно, 1890-е гг.

Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять,
Всё большое далёко развеять,
Из глубокой печали восстать.

Я от жизни смертельно устал,
Ничего от нее не приемлю,
Но люблю мою бедную землю
Оттого, что иной не видал.

Я качался в далеком саду
На простой деревянной качели,
И высокие темные ели
Вспоминаю в туманном бреду.

1908

3(15) января 1891 г. В Варшаве в семье торговца кожами Эмилия (Хацкеля) Вениаминовича Манделъштама и Флоры Осиповны Вербловской родился первенец – Иосиф (Осип)

Январь/January

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK». 1999

понедельник monday	4	11	18	25	
вторник tuesday	5	12	19	26	
среда wednesday	6	13	20	27	
четверг thursday	7	14	21	28	
пятница friday	1	8	15	22	29
суббота saturday	2	9	16	23	30
воскресенье sunday	3	10	17	24	31
неделя week	1	2	3	4	5

O. Mandelstam

Осип Мандельштам.
1908(?)

Silentium*

Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Спокойно дышат моря груди,
Но, как безумный, светел день,
И пены бледная сирень
В черно-лазоревом сосуде.

Да обретут мои уста
Первоначальную немоту,
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста!

Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито!

1910

* Молчание, безмолвие, тишина (лат.).

Январь-февраль 1916 г. Знакомство с М. Цветаевой и наезды в Москву.

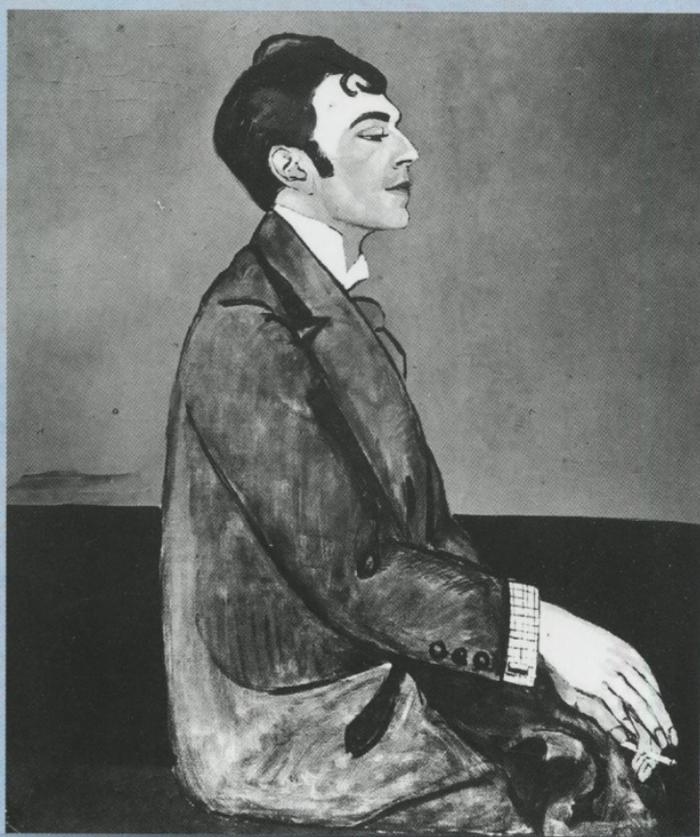
Февраль 1935 г. На собрании воронежских писателей Мандельштам выступил с докладом об акмеизме.

Февраль/February

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK» .1999

понедельник monday	1	8	15	22	29
вторник tuesday	2	9	16	23	
среда wednesday	3	10	17	24	
четверг thursday	4	11	18	25	
пятница friday	5	12	19	26	
суббота saturday	6	13	20	27	
воскресенье sunday	7	14	21	28	
неделя week	6	7	8	9	10

О. Мандельштам

А. Зельманова. Портрет Осипа Мандельштама.
1913 (1914?)

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладою когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи —
На головах царей божественная пена —
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер — всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

1915

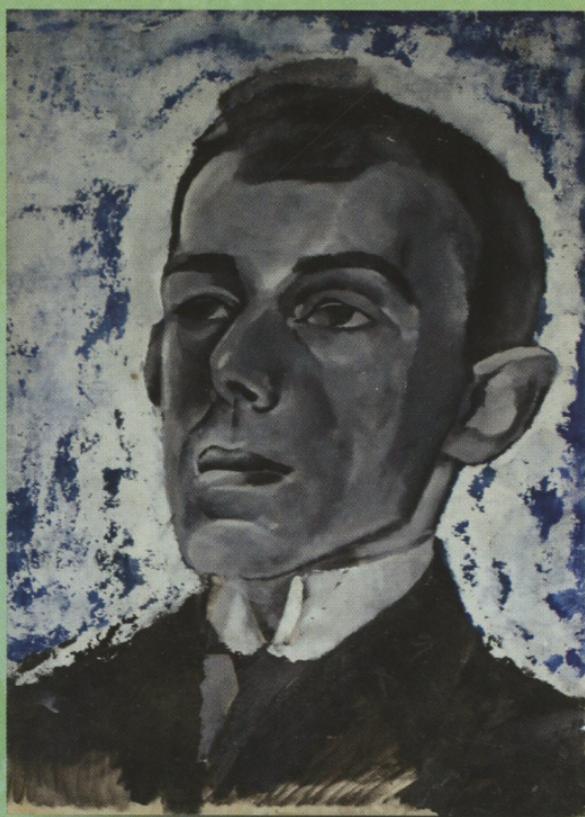
14 марта 1911 г. Знакомство с Ахматовой на «башне» у Вяч. Иванова.
14 марта 1933 г. Вечер О. Мандельштама в Политехническом музее.

Март/March

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK». 1999

понедельник monday		7	14	21	28
вторник tuesday	1	8	15	22	29
среда wednesday	2	9	16	23	30
четверг thursday	3	10	17	24	31
пятница friday	4	11	18	25	
суббота saturday	5	12	19	26	
воскресенье sunday	6	13	20	27	
неделя week	10	11	12	13	14

O. Mandelstam

Л. Бруни. Портрет Осипа Мандельштама.
1915.

За то, что я руки твои не сумел удержать,
За то, что я предал соленые нежные губы —
Я должен рассвета в дремучем акрополе ждать.
Как я ненавижу пахучие, древние срубы!

Ахейские мужи во тьме снаряжают коня,
Зубчатыми пилами в стены вгрызаются крепко,
Никак не уляжется крови сухая возня,
И нет для тебя ни названья, ни звука, ни слепка.

Как мог я подумать, что ты возвратишься, как смел?
Зачем преждевременно я от тебя оторвался?
Еще не рассеялся мрак и петух не пропел,
Еще в древесину горячий топор не врезался.

Прозрачной слезой на стенах проступила смола,
И чувствует город свои деревянные ребра,
Но хлынула к лестницам кровь и на приступ пошла,
И трижды приснился мужам соблазнительный образ.

Где милая Троя? где царский, где девичий дом?
Он будет разрушен, высокий Приамов скворешник.
И падают стрелы сухим деревянным дождем,
И стрелы другие растут на земле, как орешник.

Последней звезды безболезненно гаснет укол,
И серою ласточкой утро в окно постучится,
И медленный день, как в соломе проснувшийся вол,
На стогах, шершавых от долгого, сна шевелится.

1920

14 апреля 1915 г. Смерть А. Скрябина и посещение А. Блока.

Апрель – июль 1933 г. Пребывание в Крыму, работа над «Разговором о Данте».

Апрель/April

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK», 1999

понедельник monday	4	11	18	25	
вторник tuesday	5	12	19	26	
среда wednesday	6	13	20	27	
четверг thursday	7	14	21	28	
пятница friday	1	8	15	22	29
суббота saturday	2	9	16	23	30
воскресенье sunday	3	10	17	24	
неделя week	14	15	16	17	18

O. Mandelstam

П. Митурич. Портрет Осипа Мандельштама.
1915.

Венецйской жизни мрачной и бесплодной
Для меня значение светло.
Вот она глядит с улыбкою холодной
В голубое, дряхлое стекло.

Тонкий воздух кожи. Синие прожилки.
Белый снег. Зеленая парча.
Всех кладут на кипарисные носилки,
Сонных, теплых вынимают из плаща.

И горят, горят в корзинах свечи,
Словно голубь залетёл в ковчег.
На театре и на праздном вече
Умирает человек.

Ибо нет спасенья от любви и страха:
Тяжелее платины Сатурново кольцо!
Черным бархатом завешенная плаха
И прекрасное лицо.

Тяжелы твои, Венеция, уборы.
В кипарисных рамах зеркала.
Воздух твой гранёный. В спальне тают горы
Голубого, дряхлого стекла.

Только в пальцах роза или склянка, —
Адриатика зеленая, прости!
Что же ты молчишь, скажи, венецианка,
Как от этой смерти праздничной уйти?

Черный Веспер в зеркале мерцает.
Всё проходит. Истина темна.
Человек рождается. Жемчуг умирает.
И Сусанна старцев ждать должна.

1920

16 мая 1909 г. Литературное «крещение» на заседании поэтической
«Проакадемии» на «башне» Вяч. Иванова.

1 мая 1919 г., Киев. Мандельштам познакомился
с Надеждой Хазиной — своей будущей женой.

16 мая 1934 г. Арест в квартире 34 дома № 5 по Нащокинскому пер. в Москве.

2 мая 1938 г. Арест в санатории «Саматиха» в дальнем Подмосковье.

Май/May

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK», 1999

понедельник monday	2	9	16	23/30
вторник tuesday	3	10	17	24/31
среда wednesday	4	11	18	25
четверг thursday	5	12	19	26
пятница friday	6	13	20	27
суббота saturday	7	14	21	28
воскресенье sunday	1	8	15	22/29
неделя week	18	19	20	21 22

О. Мандельштам

Осип Мандельштам.
Москва, 1923.

Умывался ночью на дворе —
Твердь сияла грубыми звездами.
Звездный луч — как соль на топоре,
Стынет бочка с полными краями.

На замок закрыты ворота,
И земля по совести сурова, —
Чище правды свежего холста
Вряд ли где отыщется основа.

Тает в бочке, словно соль, звезда,
И вода студеная чернее,
Чище смерть, соленее беда,
И земля правдивей и страшнее.

1921

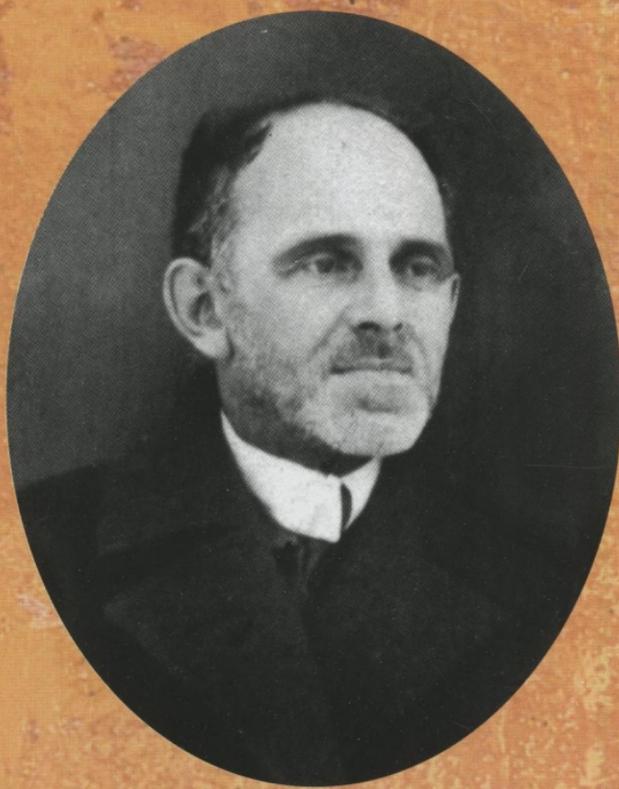
Июнь 1921 г. Начало поездки на Северный Кавказ и в Закавказье.
Первая половина июня 1934 г. Мандельштам в Чердыни: начало ссылки
и попытка самоубийства.

Июнь/June

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK», 1999

понедельник monday	6	13	20	27	
вторник tuesday	7	14	21	28	
среда wednesday	1	8	15	22	29
четверг thursday	2	9	16	23	30
пятница friday	3	10	17	24	
суббота saturday	4	11	18	25	
воскресенье sunday	5	12	19	26	
неделя week	23	24	25	26	27

О. Мандельштам

Осип Мандельштам.
Москва, 1932.

Куда как страшно нам с тобой,
Товарищ большеротый мой!

Ох, как крошится наш табак,
Щелкунчик, дружок, дурак!

А мог бы жизнь просвистать скворцом,
Заесть ореховым пирогом —

Да, видно, нельзя никак...

Октябрь 1930

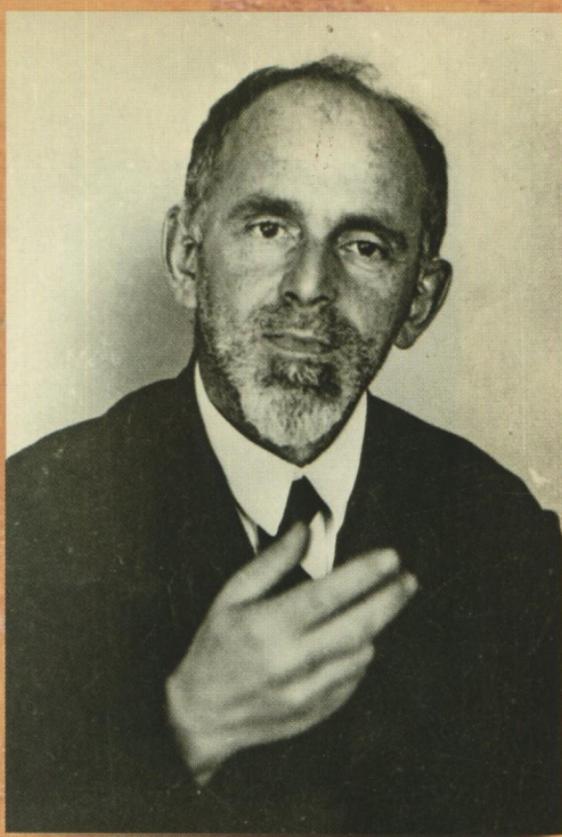
26 июля 1916 г. Смерть матери.
Начало июля 1938 г. Переезд в Савёлово.

Июль/July

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK», 1999

понедельник monday	4	11	18	25	
вторник tuesday	5	12	19	26	
среда wednesday	6	13	20	27	
четверг thursday	7	14	21	28	
пятница friday	1	8	15	22	29
суббота saturday	2	9	16	23	30
воскресенье sunday	3	10	17	24	31
неделя week	27	28	29	30	31

O. Mandelstam

Осип Мандельштам.
Москва, 1934.

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.

Ты вернулся сюда — так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей.

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург, я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург, у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,

И всю ночь напролет ждут гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Декабрь 1930

25 августа 1928 г. Годовщина расстрела Н. Гумилёва. В этот день в 1928 г. Мандельштам написал Ахматовой: «Беседа с Колей не прервалась и никогда не прервется».

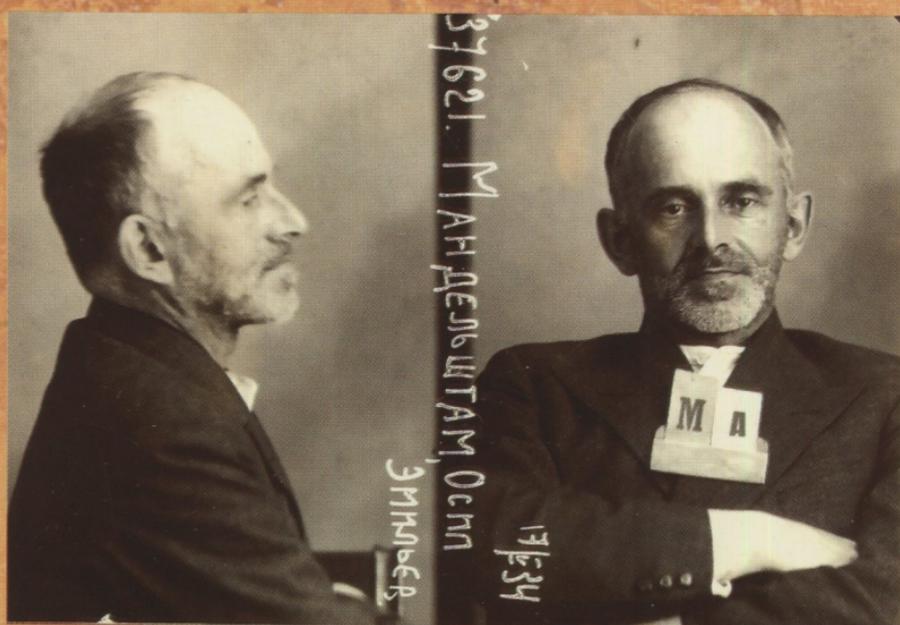
2 августа 1938 г. Мандельштаму вынесен приговор Особого совещания при НКВД СССР: пять лет исправительно-трудовых лагерей.

Август/August

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK», 1999

понедельник monday	1	8	15	22	29
вторник tuesday	2	9	16	23	30
среда wednesday	3	10	17	24	31
четверг thursday	4	11	18	25	
пятница friday	5	12	19	26	
суббота saturday	6	13	20	27	
воскресенье sunday	7	14	21	28	
неделя week	32	33	34	35	36

О. Мандельштам

Осип Мандельштам. Из следственного дела.
Москва, май 1934.

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей, —
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе, —

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный уьет.

17–28 марта 1931

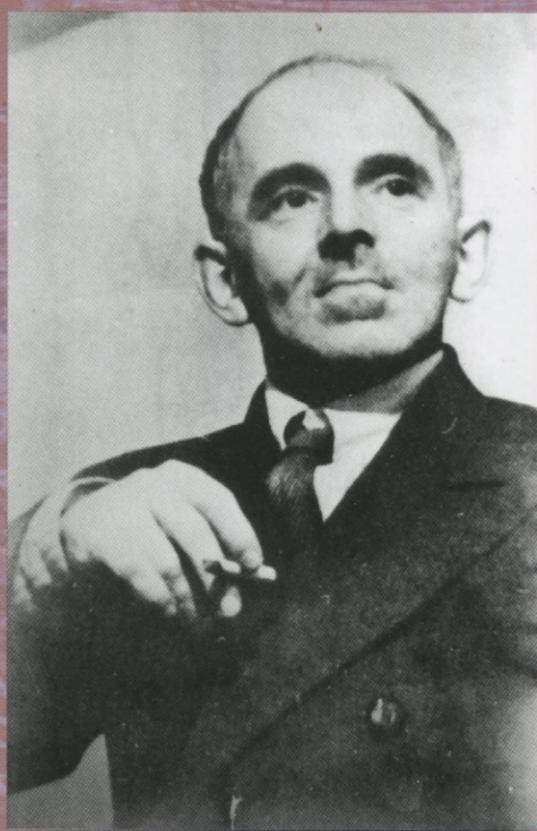
Начало сентября 1936 г. Знакомство с Н. Штемпель.
7 или 9 сентября 1938 г. Этап, в котором находился О. Мандельштам,
отправился из Москвы на восток.

Сентябрь/September

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK» · 1999

понедельник monday	5	12	19	26	
вторник tuesday	6	13	20	27	
среда wednesday	7	14	21	28	
четверг thursday	1	8	15	22	29
пятница friday	2	9	16	23	30
суббота saturday	3	10	17	24	
воскресенье sunday	4	11	18	25	
неделя week	36	37	38	39	40

О. Мандельштам

Осип Мандельштам.
Воронеж, 1935.

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,

А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
И слова, как пудовые гири, верны,

Тараканьи смеются глазища
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей.
Он играет услугами полулюдей.

Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,

Как подковы, дарит за указом указ:
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.

Что ни казнь у него — то малина
И широкая грудь осетина.

Ноябрь 1933

30 октября 1899 г. В Саратове родилась Надежда Яковлевна Хазина
Середина октября 1930 г. В Тифлисе, по дороге из Армении в Москву, Мандельштам, после пятилетнего перерыва, снова начал писать стихи («Куда как страшно нам с тобой...» и цикл «Армения»).

12 октября 1938 г. Эшелон, в котором ехал Мандельштам, прибыл на разезд «Вторая речка» под Владивостоком. Был солнечный день.

Октябрь/October

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK» .1999

понедельник monday	3	10	17	24/31	
вторник tuesday	4	11	18	25	
среда wednesday	5	12	19	26	
четверг thursday	6	13	20	27	
пятница friday	7	14	21	28	
суббота saturday	1	8	15	22	29
воскресенье sunday	2	9	16	23	30
неделя week	40	41	42	43	44

О. Мандельштам

Осип Мандельштам. Из следственного дела.
Москва, май 1938.

Еще не умер ты. Еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин,
И мглой, и холодом, и выюгой.

В роскошной бедности, в богатой нищете
Живи спокоен и утешен —
Благословенны дни и ночи те,
И сладкогласный труд безгрешен.

Несчастлив тот, кого, как тень его,
Пугает лай и ветер косит,
И жалок тот, кто, сам полуживой,
У тени милостыню просит.

15–16 января 1937

Ноябрь 1933 г. В новой квартире в Нащокинском переулке написаны роковые стихи: «Мы живем, под собою не чуя страны...»

Ок. 10 ноября 1938 г. Мандельштам написал из лагеря письмо: «Дорогой Шура!.. Здоровье очень слабое, истощен до крайности, исхудал, не узнаваем почти, но посылать вещи, продукты и деньги не знаю, есть ли смысл. Попробуйте все-таки. Очень мерзну без вещей... В Колыму меня не взяли. Возможна зимовка...».

Ноябрь/November

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK», 1999

понедельник monday	7	14	21	28	
вторник tuesday	1	8	15	22	29
среда wednesday	2	9	16	23	30
четверг thursday	3	10	17	24	
пятница friday	4	11	18	25	
суббота saturday	5	12	19	26	
воскресенье sunday	6	13	20	27	
неделя week	45	46	47	48	49

O. Mandelstam

А. Осмеркин. Портрет Осипа Мандельштама.
1937.

Есть женщины, сырой земле родные,
И каждый шаг их – гулкое рыданье,
Сопровождают воскресших и впервые
Приветствовать умерших – их призванье.
И ласки требовать у них преступно,
И расставаться с ними непосильно.
Сегодня – ангел, завтра – червь могильный,
А послезавтра – только очертанье...
Что было поступь – станет недоступно...
Цветы бессмертны. Небо целокупно.
И всё, что будет, – только обещанье.

4 мая 1937

27 декабря 1938 г., в 12 ч. 30 мин. в больничке пересыльного лагеря под Владивостоком умер Осип Эмильевич Мандельштам.

Декабрь/December

ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК
PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK», 1999

понедельник monday	5	12	19	26	
вторник tuesday	6	13	20	27	
среда wednesday	7	14	21	28	
четверг thursday	1	8	15	22	29
пятница friday	2	9	16	23	30
суббота saturday	3	10	17	24	31
воскресенье sunday	4	11	18	25	
неделя week	49	50	51	52	53

МАНДЕЛЬШТАМ И СОВРЕМЕННОСТЬ

(К 125-летию со дня рождения О.Э. Мандельштама)

А мог бы жизнь просвистать скворцом...

Губ шевелящихся отнять вы не могли...

И это будет вечно начинаться...

1

Осип Эмильевич Мандельштам – еврей по происхождению и русский поэт по призванию и дару – родился в Варшаве 15 января 1891 года, отмеченного в России очередным недородом и началом массовой еврейской эмиграции. Был у Мандельштама и еще один «пятый пункт»: назовем его «европейскостью» и обозначим тем самым осознанную причастность к широкой культурной традиции, к ощущению Европы, при всей ее мозаичности (и даже благодаря ей!), как высокой и светлой духовной цельности.

Не переоценить тех месяцев, недель и дней, что юный поэт провел за границей. За три года – с осени 1907 по осень 1910 года – «выездной» Мандельштам побывал самое меньшее в четырех странах – Франции, Италии, Швейцарии и Германии. И он ясно видел, что Россия с ее чертой оседлости и скрученным, несмотря на освобождение, в бараний рог крестьянством, была чем-то иным, коль скоро толкала его в 1906 году к эсерам и в революцию, а в 1911 году понудила к кальвинистскому крещению. Примиряющий эти полюса консенсус правоты и свободы отыскался исторически в Петре Чаадаеве как первом русском европейце и внеисторически в Александре Пушкине как в первом русском поэте, сполна отвечающем критериям акмеизма как гармонии логоса и мелоса, гармонии, дышащей, где хочет и когда хочет.

Блистательным был литературный дебют 19-летнего Мандельштама: в сентябрьской книжке «Аполлона» за 1910 год появились пять его стихотворений, среди них и знаменитое «Silentium». В новом поэтическом голосе сразу же поразила чистота тембра и органическая неспособность к фальши. Этот голос, поначалу фарфоровый, понемногу креп и мужал. Уже по тому, как зазвенел он и натянулся в ответ на сараевский выстрел, можно было догадаться о незаурядном политическом темпераменте его обладателя. И все же, когда вслед за подземным гулом времени громыхнула «Октябрьская социалистическая», никто не ожидал увидеть в нем нового Андре Шенье. И тем не менее первые – еще в ноябре 17-го года! – обличительные ямбы сорвались именно с его уст:

...Когда октябрьский нам готовил времешник

Ярмо насилия и злобы...

Первые послереволюционные годы – годы скитаний по российским и украинским столицам, по врангелевскому Крыму и меньшевистской Грузии – стали настоящей «сменой вех» в поэтическом развитии Мандельштама. Как же отличаются протяжные и взволнованные, словно морской солью пропитанные, стихи «Tristia» от сухих, сдержанных и безукоризненно отделанных стихотворений «Камня»!

«Камень» – вот книга, уже своим названием претендующая на то, чтобы быть акмеистическим манифестом. Это отсюда – пафос зодчества и строительства, уважение к мастерству и ремеслу, к цеховой средневековой структурности. Последней прижизненной поэтической книгой стали «Стихотворения» (1928) – итог и ретроспектива целого 20-летия поэтической деятельности. В том же году вышли еще две книги Мандельштама, и каждая в своем роде итоговая – прозаическая (сборник «Египетская марка», в который вошла и автобиографическая проза «Шум времени») и критическая («О поэзии»). Все эти книги вышли одна за другой в самый разгар... поэтического молчания Мандельштама! За пять с лишним лет между стихами к Ольге Ваксель весны 1925 года и «армянским» циклом осени 1930 года – ни одного нового стихотворения, не считая детских! Поэтический эфир улетучивался из воздуха эпохи, и поэт хорошо знал, что говорил, когда позднее восклицал в «Ламарке»:

Наступает глухота научья,

Здесь провал сильнее наших сил.

Печататься становилось все трудней, и казалось, что переводы – и есть та отдушина, где поэт сумеет отдышаться и сохранить себя. Использование классово чуждых «спецов» на этом важном участке культурного строительства не считалось зазорным и даже поощрялось.

А когда разгорелся скандал вокруг мандельштамовской переработки переводов «Тили Уленшпигеля» (по оплошности издательства преподнесенной как его личный перевод), стало ясно, что «отдушина» эта для Мандельштама – еще и самая настоящая западня. Начатый в 1928 году «пострадавшим» переводчиком Аркадием Горнфельдом и вполне исчерпанный в его газетной переписке с «плагиатором» Мандельштамом, скандал этот был вновь раздут в 1929 году Давидом Заславским. Заполнив собой и часть 1930 года, он вскоре перерос в классическую советскую травлю поэта.

2

Этому скандалу, этой «битве под Уленшпигелем» Мандельштам, как ни странно, обязан своим вторым поэтическим рождением: грозная, набухшая грозная туча, встретившись с бездонным космосом армянского неба, пролилась на истрескавшуюся и изнуренную зноем землю теплым и долгожданным дождем – гармоническим проливнем слез.

Но еще до стихов пришла великая проза, названная «Четвертой», – произведение, «вдохновенное» разыгравшейся травлей и обозначившее недвусмысленный разрыв поэта как с «советскими писателями», так и с «матушкой филологией», которая «была вся кровь, вся нетерпимость, а стала пся-кровь, стала всетерпимость...»

Этот разрыв, оторвав Мандельштама от болотистой почвы так называемого «литературного процесса», что во все времена столь соблазнительно хлопает под ногами, создал императив второго рождения: необходимо как бы заново родиться, взмахнуть напрасными, но еще не отпавшими фениксовыми крылами и вновь научиться «летать» – то есть писать стихи.

И случилось невероятное: в октябре 1930 года, в Тифлисе, куда Мандельштам только что приехал после живительного и «вожделенного» путешествия по Армении, стихи вернулись к нему!

Куда как страшно нам с тобой,

Товарищ большевотый мой!

*Ох, как крошится наш табак,
Шелкунчик, дружок, дурак!
А мог бы жизнь просвистать скворцом,
Заест ореховым пирогом,
Да, видно, нельзя никак.*

Стихов было еще мало, но Египшэ Чаренц напророчил ему уже тогда, в Тифлисе: «Из вас лезет книга». И впрямь: стихи полезли словно молочные зубы у новорожденного, но были они совершенно иными и совершенно новыми. И именно так, «Новые стихи», Мандельштам потом ее и назвал – эту свою новую книгу.

А со временем прояснилось, что именно тридцатые годы – время наибольшей активности Мандельштама-поэта. Период почти непрерывного горения, по своему накалу временами достигавшего чисто пушкинской – болдинской – яркости и насыщенности.

За неполные семь лет, с октября 1930 года по июль 1937, было написано свыше 200 стихотворений, то есть почти столько же, сколько за предыдущую четверть века. Это, конечно, сторона количественная, но без того, что теперь принято называть «поздним Мандельштамом», русская поэзия XX века – вся русская поэзия! – уже непредставима.

Но есть у его «Новых стихов» одна новая вне-поэтическая черта – их социальность, точнее, их раздирающий социальный дуализм. С одной стороны, акмеистическая по своей природе открытость жизни и ее вечности постоянно толкала Мандельштама на новые «крещения» и попытки компромиссов с советской властью. Сомневаясь в своей правоте – неподъемной правоте отщепенца и единоличника, он многократно и искренне искал сближения с «вертикально-колхозной» сущностью новой власти. Но власть всегда была начеку, она не удовлетворялась темой, а требовала себе под ярмо все мышление и все стилистические потроха. А не получая их (или недополучая), щелкала по носу и браковала, заставляя, как после поездки в воронежскую Воробьевку, кидаться в отчаянии на кровать и орать *urbi i urbi* – о том, что он трижды наблюдал: написал «подхалимские стихи, бодрые, мутные и пустые», написал рецензии – «под давлением и на нелепые темы» и еще написал «очерк о колхозной деревне», никуда не годный и отвергнутый «заказчиком». «Я не писатель, я не могу так, я гадок себе!» – заключал Мандельштам.

Вместе с тем что-то всегда толкало поэта на поступки, казавшиеся безрассудными или опасными современникам и кажущиеся чуть ли не героическими сегодня. Это и роковые стихи 33-го года про не узнающих своего лица крестьян и про не чующих под ногами страны граждан, про «кремлевского горца», и вызывающие ответы на провокационные записки на вечерах тех лет: «Я – современник Ахматовой!», «Я не отказываюсь ни от живых, ни от мертвых!», «Акмеизм – это была тоска по мировой культуре!»

Вот она – верность поэзии, верность самому себе, вот оно – всеохватывающее чувство поэтической правоты, без которого не было, нет и не будет истинного поэта.

Вытравляя правду и искренность, эпоха не только лишала поэта необходимых ингредиентов его «воздуха». Она обжимала и мяла его «мыслящее тело», обволакивала фальшью и ложью его душу, пластырем заклеивала «человеческий жаркий искривленный рот». Отсюда – потрясающий образ заживо закопанного, похороненного, замолчанного, – но не замолчавшего поэта, не сдавшегося, не уступившего «эпохе» своей поэтической правоты:

Да, я лежу в земле, губами шевеля...

И как последнее слово в диалоге с батрацкой властью:

Лишив меня морей, разбега и разлета

И дав стопе упор насильственной земли,

Чего добились вы? Блестящего расчета:

Губ шевелящихся отнять вы не могли.

3

Задержимся еще немного в 1930-х годах. «Новые стихи», «Путешествие в Армению», «Разговор о Данте», несколько других вещей – все это было тогда написано.

А что напечатано? Два с половиной десятка стихотворений в пяти скромных, но всем запомнившихся подборках, да еще «Путешествие в Армению» – вот, собственно, и все. Стена, возведенная между читателями и поэтом, оказалась непреодолимой. А страшная, безмогильная смерть Мандельштама 27 декабря 1938 года в далеком пересыльном лагере под Владивостоком перечеркнула, казалось бы, не только ненаписанное, но и все неизданное.

Жизнь, однако, распорядилась иначе. Вдова поэта, Надежда Яковлевна Мандельштам, и некоторые их испытанные друзья (например, Наташа Штемпель) – в своей памяти и в немногочисленных списках сберегли мандельштамовские стихи, пронеся их через многие и тяжкие испытания. В 1960-х годах, спустя четверть века после гибели автора, его стихи разошлись по стране и миру во множестве машинописных самиздатских списков. Одновременно стихи стали появляться и выходить на Западе, дополняя самиздат тамиздатом.

За годы официального непризнания, категорического непечатанья и кажущегося забвения стихов Мандельштама сложился и окреп самый настоящий миф о Мандельштаме, вобравший в себя и его трагическую судьбу, и историческое время поэта, насыщенное собственным трагизмом и грозами. Это миф о противостоянии и, если угодно, о единоборстве Поэта и Тирана, о физическом поражении – и о духовной победе Поэта, о неистребимости Поэзии.

Мы не можем не быть благодарны мифу о Мандельштаме, с годами обросшему вполне фольклорными деталями, такими, например, как рассказы о дивном поэте, читающем у костра уголовникам сонеты Петрарки. Этот миф, бесспорно, еще более усиливал жизнестойкость мандельштамовской поэзии, но в чем-то и захлестнул ее, частично заслонив. Появились читатели, гораздо лучше знающие мемуары Надежды Яковлевны, чем стихи Осипа Эмильевича. А на Западе таковых и вовсе большинство: «Осип Мандельштам? Это который муж Надежды Мандельштам?..»

Но именно Осип Мандельштам рано научился говорить от своего имени, затем от имени многих, а потом и от имени всех. И не случайно, что именно ему суждено было выразить двуединный характер эпохи, в которую он жил и погиб.

И ее тезис – ее ужас и яд:

Мы живем, под собою не чуя страны;

Наши речи за десять шагов не слышны...

И ее антитезис – противоядие и надежду:

... Потому что не волк я по крови своей

И меня только равный убьет»!

Наше поворотное время с его обнадеживающим стремлением к восстановлению исторической правды постепенно выстраивает и другие, помимо мифологических, ряды, выявляет недостающие звенья. Многочисленные публикации мандельштамовских стихов и прозы, а также воспоминаний о нем, неизбежно возвращают нас и к Мандельштаму-поэту, и к Мандельштаму-человеку.

У Мандельштама, по выражению Александра Морозова, была гениальная «поэтическая физиология». Она сошлась в нем с исключительным историческим чутьем, с обостренным слухом на «шум времени». Вытекающая отсюда гражданственность, мужественность его поэзии – определяющая ее черта – не выражалась при этом поверхностно, внешне-событийно, а являлась самым нервом поэтического переживания, самой тканью стиха. В нем непрестанно «росли и переливались волны внутренней правоты» поэзии, полногласно звучала «присяга чудная четвертому сословию».

Ни на миг не оставляли поэта столь характеризующие его, по выражению Арсения Тарковского, «нищее величие и задержанная честь», – но именно честь, исполненное социального и исторического достоинства самосознание поэта, – и без этого нет Мандельштама, как не было без этого и Пушкина. Бесчестно не написалось бы ни про «гремучую доблесть грядущих веков», ни про собственный «век-волкодав», ни про «миллионы убитых задешево» и охваченные огнем столетия в исторических «Стихах о неизвестном солдате».

В. Б. Шкловский однажды так сказал о Мандельштаме, придыхая и затажно улыбаясь на каждом найденном слове: «Это был человек... странный... трудный... трогательный... и гениальный!»

В начале 1937 года этот странный, трудный, трогательный и гениальный человек писал из Воронежа Юрию Тынянову: «... Пожалуйста, не считайте меня тенью. Я еще отбрасываю тень. Но последнее время я становлюсь понятен решительно всем. Это грозно. Вот уже четверть века, как я, мешая важное с пустяками, наплываю на русскую поэзию, но вскоре стихи мои сольются с ней, кое-что изменив в ее строении и составе».

Что ж, это пророчество Мандельштама сбылось.

Одна из центральных фигур в русской поэзии XX века, Мандельштам прежде всего поэт. Поэт необычайно светлого дара – как Пушкин. Поэт исключительного историософского мироощущения – как Тютчев. И – как Некрасов – поэт редкостного политического темперамента. Галсы же социального дуализма закономерно сближают его с товарищами и по веку, прежде всего с Пастернаком. Предначертанная ему высокая судьба – горькая, страшная судьба русского поэта в самые что ни на есть окаянные дни.

Когда-то он сам писал о времени, пролистывающем поэтов и останавливающимся в разные эпохи на разных страницах. Тридцатые годы, полагаю, раскрылись на «Tristia»: даже те из современников, кто знал его «новые стихи», как правило, предпочитали не их, а, например, «Венецию» или «Аонид». В пятидесятые произошел сдвиг в сторону «Грифельной оды» и «Концерта на вокзале»: даже «Волк», впрыгнувший в томик Струве и Филиппова 1955 года в последнюю секунду, показался им чуть ли не *dubia*.

Начиная с 1960-х годов и до самого конца советской власти, когда Мандельштам имелся в каждом интеллигентском доме в виде «томиков» самиздата и тамиздата, впереди явно шли двое – «Волк» и «Горец», иногда меняясь друг с другом местами. Тут спасибо самой советской власти и диссидентам, дружно поддерживавшим память о стране, не чуемой под ногами, как и о шапке-ушанке в рукаве. Именно на них, но уже в некотором обрамлении («Ленинград», «Шерри-бренд», «Александр Герцевич»), открылся Мандельштам в славные дни своего столетия.

За 1990-е годы произошел явный сдвиг в сторону стихов воронежских. Вперед вырвались «Стихи о неизвестном солдате», к которым в 2000-е присоединилась и «Ода», но скорее как загадочный курьез: о чем это она, ну неужели в соответствии с заявленным жанром? Много дров в этот костер подбросил и Михаил Гаспаров, аргументированно доказывавший, что конформистским был и сам «Солдат» и много еще чего вокруг! В воздухе запахло разоблачениями и развенчаниями!

Но есть у великой поэзии иммунитет и защита от любых уплощений – ее великолепное качество! Она просто не приспособлена к тому, чтобы служить вещдоками или следственными действиями.

С Мандельштамом происходит то же, что и с большинством классиков. Новые поколения читателей всегда открывают в нем что-то новое и свое, оставшееся не замеченным или не оцененным предшественниками; текущие события так же имеют определенную власть над текстами, иной раз серьезно перестраивая их восприятие.

И к своему 125-летию Мандельштам подходит другим и обновившимся. Он раскрывается не на гражданственном пафосе, как и не под знаменами конформизма, а на философской лирике, ищущей глубину не в повседневности, а в вечности, в культурном космосе. Это прежде всего такие стихи как «К немецкой речи», как «Восьмистишия» или же как двойчатка, обращенная к Наташе Штемпель.

Павел Нерлер

Мандельштамовские календари. Год 2016.

Жизнь поэта. М., 2015.

Совместный проект Мандельштамовского общества

и типографии «Петровский парк». Восьмой выпуск.

Составитель: П. Нерлер при поддержке С. Василенко.

Художник: В. Ванюков.

Компьютерная верстка: Д. Скопин.

В оформлении использованы материалы из архивов Мандельштамовского общества,

Государственного архива Российской Федерации и др.

**МАНДЕЛЬШТАМОВСКОЕ
О Б Щ Е С Т В О**

Телефон: +7.495.7729590, доб. 23026.

Сайты: www.rvb.ru/mandelstam/m_o/index.html

www.mandelstam-world.info

E-mail: oemandelstam@mail.ru

**ТИПОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКИЙ ПАРК**

PRINTING-HOUSE «PETROVSKY PARK». 1999

Дизайн, печать типографии «Петровский парк»,

тел. 8 /495/ 641 53 33